

Я давно мечтал написать книгу о подвигах. Первая мысль о ней возникла после разговора с Константином Константиновичем Рокоссовским, в ту пору еще не маршалом и не дважды Героем Советского Союза. Происходило это много лет назад, когда он был просто командиром кавалерийской части. Но уже тогда Рокоссовский имел три боевых ордена Красного Знамени.

Интересных встреч было много. И после каждой появлялся еще один исписанный блокнот, из которого в газетный очерк не переходило и десятой доли фактов. Однако вернуться к этим записям все не удавалось. Потом началась война. Овеянные романтикой подвиги прошлого сразу показались очень далекими.

Старые блокноты лежали в книжном шкафу ленинградской квартиры, а полевая сумка разбухла от новых. Если не считать полотенца, мыла да кассет к «ФЭДу», запас блокнотов был в ту пору единственным багажом военного корреспондента фронтовой газеты.

В одном из блокнотов того времени есть странички, которые можно назвать первыми материалами, собранными для этой книги. В сорок первом они предназначались для более скромных целей. Небольшая корреспонденция по горячим следам — вот что требовалось тогда от военного журналиста. Но теперь, обдумывая, с чего начать свой разговор с читателем, я положил перед собой именно эти наспех сделанные записи. На то есть особый повод. Эти записи касаются людей, которые первыми из всех героев Великой Отечественной войны награждены Золотыми Звездами. Это — Петр Харитонов, Степан Здоровцев, Михаил Жуков. С кого же, как не с них, начать книгу о защитниках Ленинграда!

Мне довелось узнать о подвиге Петра Харитонova через несколько часов после того, как это случилось.

В коротеньком донесении, полученном штабом ВВС фронта, говорилось, что младший лейтенант Харитонов таранил немецкий бомбардировщик, летевший в сторону Ленинграда.

Это произошло на седьмой день войны — в субботу, 28 июня. Война еще мало изменила облик города. На Невском было даже больше народу, чем обычно. Никогда раньше с городом не прощалось сразу столько людей! Тысячи и тысячи уходили на фронт. Стало необычно много военных. И почти все в новеньком,

прямо со склада обмундирования, в скрипучих сапогах с негнувшимися голенищами.

Затемнение — единственное ограничение, которое уже действовало в Ленинграде, — не причиняло никому беспокойства: в белые ночи огни все равно не зажигаются.

Переданная в тот вечер сводка Совинформбюро тоже не вызывала больших тревог. На Шауляйском направлении наши войска захватили много пленных. На Минском — продолжали борьбу с танками противника. Авиация вела успешные бои и мощными ударами с воздуха содействовала наземным войскам...

Все это, в общем, соответствовало давно сложившимся представлениям о том, как мы будем громить врагов, если они посмеют напасть. Героизм повой войны виделся в мощных ударах авиации и танков. Четко отбивая шаг, красноармейцы с задором пели: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход...»

Действительность, однако, была иной. На боевых рубежах один танк бился с целой колонной вражеских машин, один летчик бросался в бой против десятка самолетов. И вот совсем невероятное — воздушный таран!

До этого в истории авиации уже был такой случай. Во время первой мировой войны русский летчик Петр Нестеров врезался в аэроплан австрийца Розенталя. Победа стоила Нестерову жизни. И жизнь Петра Харитонова держалась на волоске, когда он таранил «юнкерс».

Потом стало известно, что однополчанин Петра Харитонова — Степан Здоровцев — сбил «юнкерс» точно так же. Спустя несколько дней заговорили еще об одном летчике этого полка — Михаиле Жукове.

...И вот мы сидим на краю аэродрома. Степан Здоровцев занят своим шлемом. Он обматывает ремешок вокруг указательного пальца, словно хочет свить из кожи пружинку. Петр Харитонов хмурится. И только Михаил Жуков — он всего на год младше товарищей, но выглядит совсем юношей — не пытается скрыть своих чувств.

Сегодня, 8 июля 1941 года, у всех троих особенный день: им присвоено звание Героя Советского Союза! Слова, которые повторялись потом часто и стали привычными, в первый раз звучали по-особенному торжественно: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашиз-

мом и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали „Золотая Звезда“...»

В газетах Указ еще не появлялся. Его передали по радио. Летчики в это время были в воздухе. Узнали они о награде, вернувшись на аэродром с боевого задания.

— Неужели только нам троим? — удивился Степан Здоровцев.

— Пока троим, — ответил кто-то из летчиков, пришедших поздравить боевых друзей. — Вы правофланговые.

Харитонов явно смущали журналисты, расположившиеся со своими блокнотами здесь же, на траве. Он попытался отделаться шуткой:

— По алфавиту я последний.

Жуков выдернул изо рта травинку:

— А по заслугам первый!

Харитонов опасно посмотрел на раскрытые блокноты:

— Даже не знаю, что вам рассказать. Бой есть бой. Ну, в общем, пулеметы мои уже не стреляют, — нечем, а «юнкерс» уходит. Пришлось резануть его винтом по хвосту. Вот и всё.

На деле, однако, все выглядело не так просто. Летчик «юнкерса» был не новичок. Набрался опыта за время войны в Западной Европе. А у Харитонova — первый бой, первая встреча с врагом. И не то чтобы Петр растерялся, а просто слишком заспешил. Когда спохватился — кончились патроны. Отмалчивавшийся до поры стрелок «юнкерса» обдал самолет Харитонova пучком трассирующих пуль. Тревожно задрожал и пополз вниз указатель давления масла в моторе. Ясно: пробит масляный бак. К тому же продырявило стабилизатор и элерон.

Харитонов качнул ручку управления. Самолет слушался рулей. Но совсем близко «юнкерс». Хорошо видны черные, обведенные белой каемкой кресты на крыльях и фюзеляже. На хвосте по-паучьи раскорячилась свастика. Нажал гашетку — пулеметы молчат. Еще раз — ни одного выстрела.

П. Т. Харитонов

Молчал и стрелок бомбардировщика. Летевший точно вслед «юнкерсу» истребитель уже находился в «мертвом» пространстве. Раньше чем попасть в советскую машину, стрелок изрубил бы пулями хвост своего самолета. Харитонов не отставал. Теперь, чтобы расстрелять врага в упор, хватило бы даже одной короткой пулеметной очереди. Но где возьмешь этот десяток патронов! Неужели так и уйдет, проклятый?

И вдруг мысль — сбить без патронов... Прибавил скорость. Просвет между хвостом бомбардировщика и носом истребителя исчез. Винт ударил по рулю глубины вражеского самолета. «Юнкерс» неуклюже перевалился на нос.

Забыв обо всем, даже не ощущая тряски, охватившей истребитель, Харитонов всматривался в падающий «юнкерс». И лишь увидев всплеск огня и дыма в том месте, куда ткнулся немецкий бомбардировщик, спохватился, что ему самому надо прыгать. Тряска не прекращалась. Погнутый воздушный винт тянул машину через силу. Пальцы левой руки нащупали замок привязных ремней. Правая не выпускала управления.

Чувствуя, что машина пока еще послушна, Харитонов не стал прыгать. Решил спасать самолет.

Лететь на подбитом истребителе тяжело и опасно: можно сорваться в штопор. А с самолета, который падает, вращаясь вокруг собственной оси, уже не выпрыгнешь. Харитонов знал это, и все-таки летел, с трудом удерживая вздрагивающую машину.

Истребитель сел на аэродром неуклюже — подбитой птицей. Выбравшись из кабины, Харитонов стянул с головы шлем и вытер вспотевший лоб. Первый же подбежавший к нему летчик еще на ходу крикнул: «Ты, Харитоныч, такое сделал!», но осекся, увидев изменившееся лицо товарища.

В этот день в полку только и было разговоров, что о таране Харитонова. Затем всех взволновала другая новость — то же самое сделал младший лейтенант Здоровцев. У него бой проходил еще тяжелее. «Юнкерс» забрался высоко — на шесть тысяч метров... Увлечшись погоней, Здоровцев забыл о кислородной маске, по всему телу разлилась слабость. Несколько глотков кислорода вернули силы. Можно было идти в атаку. Пулеметными очередями Здоровцев заставил замолчать обоих стрелков бомбардировщика, но повторить атаку не удалось — кончились боеприпасы. Решение возникло мгновенно: винтом!

Увеличил скорость. До «юнкера» уже несколько метров.

Какие тяжелые эти последние метры! Бомбардировщик старался уйти. Ему даже удалось оторваться от истребителя. Только Здоровцев тут же догнал его, едва успев убрать газ, чтобы не столкнуться. Уравнял скорость. Потом коротким толчком заставил свой истребитель клюнуть «юнкера» в хвост.

Истребитель вздрогнул, а от руля поворота бомбардировщика полетели обломки. Ему теперь не так просто было развернуться, однако держаться в воздухе он мог.

Здоровцев еще раз подвел истребитель к хвосту «юнкера». Удар... Бомбардировщик провалился. А может быть, это лишь показалось, потому что истребитель резко бросило в сторону. Удержав его от падения, летчик осмотрелся. Внизу белели два парашюта.

— А «юнкер» уже дымился на земле, — сказал Здоровцев, заканчивая свой рассказ. — Теперь я мог позаботиться о себе. Машина моя летела «прихрамывающая». Толку от мотора было мало, работал он, как игрушечная ветрянка, почти вхолостую. Выручила большая высота. Самолет стал планером. Так и скользил до самого аэродрома.

Мы приготовились слушать младшего лейтенанта Жукова. Но он отшутился:

— Присоединяюсь к предыдущим ораторам. Только я вогнал «юнкера» не в землю, а в озеро. Да еще до этого отогнал двух, которые пытались бомбить наши войска. С истребителями тоже встречался. Пока наши бомбардировщики били по танковой колонне, дрался с «мессершмиттами». В общем, воевал так же, как и они... — Жуков кивнул в сторону Харитонова и Здоровцева. Затем поднес ко рту травинку, которую все время вертел в руках, откусил и, совсем по-мальчишески дунув, далеко стрельнул кусочком упругого стебелька. — А насчет тарана я лично думаю, что удивляться не следует. Техника техникой, но на войне и рукопашную надо уметь схватиться. Таран — это вроде рукопашной в воздухе.

На этом беседа закончилась. Присутствовавший при разговоре фотокорреспондент предупредил, что скоро снова приедет, чтобы снять героев с Золотыми Звездами.

— Приезжайте, — ответил Здоровцев, — но, чур, и нам по карточке. Нашим женам небось тоже интересно посмотреть, как мы выглядим со звездами.

С. И. Здоровцев

Фотограф пообещал напечатать каждому по дюжине карточек. Рассылайте, мол, всем родственникам. Но сфотографировать Здоровцева с Золотой Звездой ему не пришлось. На следующий день после этого разговора, 9 июля, Степан Здоровцев не вернулся с боевого задания. Он разведывал дороги, по которым двигались немецкие колонны. Потом прошел над вражеским аэродромом. Увидел там самолеты и обстрелял. На аэродроме вспыхнул пожар. Когда летчик возвращался домой, его атаковали немецкие истребители. Они шли в атаку с разных сторон, а Здоровцев уже расстрелял все патроны...

Совсем недавно, через много лет после того, как в полковом списке против фамилии Здоровцева писарь вывел «пропал без вести», повстречавшийся мне сослуживец героя сказал:

— Был в Астрахани, вспомнил Степана Здоровцева. Можно сказать, даже видел его.

Я опешил.

— С сорок второго плавает по Волге, — продолжал он. — На белом борту крупная надпись: «Степан Здоровцев».

Во время напряженных боев на Волге речники попросили назвать пароход именем своего земляка — одного из первых героев Великой Отечественной войны.

В старой, изрядно потрепанной папке у меня сохранилась маленькая газетная вырезка — стихотворение Александра Твардовского. Оно подписано, как фронтовая корреспонденция, — «Действующая армия, 9 июля 1941 года».

И сколько еще себя в схватках лихих
Покажут советские люди!
Мы многих прославим, но этих троих
Уже никогда не забудем.

Запомни же русские их имена,
Что дороги будут для внуков:
Здоровцев Степан, командир звена,
Пилот Харитонов и Жуков.

Пилотам Харитонову и Жукову нестерпимо тяжело было читать эти строки, напечатанные в «Известиях» на следующий день после гибели боевого друга. Чувства, вызванные потерей товарища, сплетались в одно единственное желание — бить врага еще крепче.

Зимой сорок второго года мне снова довелось по-
14   встречаться с Михаилом Жуковым. Я не сразу узнал

его. На ветрах и морозах лицо летчика огрубело. Теперь Жуков выглядел намного старше своих двадцати четырех лет. Ничего юношеского в нем уже не осталось.

Поговорили о боевых делах. Потом он показал письмо, которое незадолго до этого получил из родного села Ружбова. Земляки поздравляли героя с 24-й годовщиной Красной Армии, отчитывались в колхозных делах.

В конце письма сообщалось:

«Дорогой Михаил Петрович, пять твоих братьев находятся на фронте, защищают Отечество. Шестой твой брат Павел Петрович при защите города Ленина от немецких оккупантов получил ранение и сейчас находится во временном отпуске, живет в родном колхозе. Принимает активное участие в оборонной работе, обучает военному делу своих односельчан. Помогает фронту и Евдокия Петровна. Она работает медицинской сестрой.

Твою мамашу Анну Матвеевну, вырастившую восемь патриотов, защитников Родины, стараемся окружить любовью, заботой и вниманием».

В самом низу, уже после целого столбца подписей, кто-то дописал: «Если начальство отпустит, прилетай хоть на денек на побывку. Будем очень рады тебе, Миша».

Показав глазами на эти последние строки, летчик сказал:

— Разве выберешься... За приглашение поблагодарил, а расчет того, чтобы приехать, попросил прощения. Вместо оправдательного документа вложил в конверт вырезку — письмо гитлеровского ефрейтора.

Жуков достал из планшета газету.

— Второй экземпляр ношу с собой для памяти. Почитай, что пишет ефрейтор Менг своей жене.

Жуков ткнул пальцем в подчеркнутые карандашом строчки: «Здесь все наши враги, каждый русский, независимо от возраста и пола, будь ему 10, 20 или 80 лет. Когда их всех уничтожат, будет лучше, спокойней. Русское население заслуживает только уничтожения. Их всех надо истребить, всех до одного».

Спрятав газету в планшет, летчик сказал:

— Где уж тут ездить по гостям...

И еще один раз я встретился с Михаилом Жуковым. Это было 26 июня того же сорок второго года. Чтобы перерезать последнюю ниточку, связывавшую Ленинград с «Большой землей», гитлеровцы старались разбомбить Волховский мост.

М. П. Жуков

Была и другая ниточка, которую они тоже хотели разорвать. Невидимая, но важная. Ниточка электрического тока. По кабелю, проложенному через Ладожское озеро, он шел от Волховской гидростанции в Ленинград.

Мост и Волховская ГЭС были для немцев объектами первостепенной важности. Они бросали на них самолеты, не считаясь с потерями. На этот раз в налете участвовало шестьдесят восемь самолетов: пятьдесят шесть бомбардировщиков и двенадцать истребителей. Я видел этот бой. Дожидался на станции Волховстрой попутного товарняка — и вдруг налет. Никакого укрытия поблизости не оказалось, и волей-неволей пришлось стать свидетелем воздушного сражения.

Все тонULO в реве моторов, прерывистых пулеметных очередях, пронзительном свисте бомб. От тяжелых разрывов колыхалась земля. Но ажурные фермы моста, как и прежде, соединяли высокие берега Волхова, а вдали белело здание гидростанции, Волховской гидростанции — первенца советской электрификации! И в том, что она стояла, нетронутая бомбами, было что-то символическое. Враги так никогда и не смогли погасить ее огней.

Когда бой затих, я поспешил на аэродром, с которого по тревоге взлетели наши истребители. Он находился у самых домов соседней деревни.

Итог боя был внушительным — девятнадцать самолетов врага не вернулись на свои аэродромы. В числе победителей мне назвали и фамилию Героя Советского Союза Жукова.

Нашел я его возле самолета. Он лежал навзничь, положив руки под голову. Жуков коротко рассказал, как с небольшого расстояния ударил по немецкому самолету. Я не стал расспрашивать обо всех подробностях боя. Летчик устал. Прощаясь, я поинтересовался, удалось ли ему съездить к землякам.

Жуков поправил лежащий под головой шлем:

— Съездить, конечно, охота. Мать бы надо проведать, односельчан повидать. В родные места всегда ведь тянет, а в деревню, думаю, особенно. Все тебе здесь знакомо с самого детства, все твое, близкое. Но сам видишь, какие дела...

Думаю, ему так и не пришлось съездить на бывшую. В сорок третьем у Дубровки он прикрывал наши наземные войска и вступил в неравный бой с немецкими самолетами. Пехоту прикрыв, а сам погиб.

А что стало с третьим героем — Петром Харитоновым? Как сложилась судьба человека, чей подвиг по-

вторили многие наши летчики? Кстати, и сам Петр Харитонов таранил врага вторично.

Не лучше ли поэтому закончить рассказ о нем на следующих страницах — там, где пойдет речь о продолжении удивительного подвига, положившего начало новой форме воздушного боя.